

ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ «Запад на Восток»

Одна из главных тем новой книги московского поэта и прозаика – взаимосвязь обозначенных в заглавии частей света и культурных традиций, ведь именно на их стыке, по мнению Глеба Шульпякова, появилась и расцвела великая русская литература.

Следуя за героями своих очерков, автор путешествует во времени и пространстве, показывая читателю среди других сюжетов то полузаброшенную российскую деревню наших дней, то Стамбул Орхана Памука, то Кемеро-

во 30-х годов XX века, куда приехала горстка мечтателей строить новый мир, то усадьбу Вульфов, где часто бывал Пушкин, то Москву начала XIX века, какой ее увидел Батюшков. Шульпяков осмысляет путь, которым шла российская культура, выходя в европейское пространство, и глубоко погружается в недра истории. Он исследует истоки последней династии русских царей и даже предлагает свою – художественную – версию Угличской трагедии.

М.: ЭКСМО, 2020

СТИХИ НА МАШИНКЕ

Судьба – это когда обстоятельства находят человека. Но как быть, если тебя находят вещи? Забытые вещи из чужой жизни – находят и становятся твоей частью? Старую машинку, на которой я сейчас печатаю, я нашел в деревне (у меня изба в Тверской деревне). Решил наконец выбросить из избы гнилой шкаф. И среди затхлого тряпья наткнулся на обитый черным дерматином чемоданчик.

Это был *Royal*, американский довоенный *Royal* – новенький, как с конвейера. Правда, с украинским шрифтом. Я сходил к соседям, поспрашивал, кто жил в моей избе до прежних хозяев. Но никто из соседей ничего не помнил, только старуха баба Лена сказала, что жили какие-то «чернокнижники». А почему «чернокнижники», она не помнила. Скорее всего, семья учителя. У кого еще могут быть в избе книги и машинка.

Каким сюжетом старую американскую машинку с украинским шрифтом забросило на Тверской хутор (и почему она как новая) – я не хотел даже представлять. Тут материала на роман. Просто сдул пыль с каретки, протер футляр. Упаковал и бросил машинку в багажник. Привез в Москву.

Из интернета я узнал, что стал владельцем *Royal Portable Model 2* выпуска 1931 года. Что на похожей машинке (*Royal Portable Delux*) работал Хемингуэй, а Флеминг писал свои первые романы про Джеймса Бонда. Этот *Royal*, как оказалось, был одной из крупнейших фирм-производителей машинок в мире. Свой миллионный экземпляр они собрали в 1926 году. А в 1929-м уже сбрасывали машинки на парашютах. Это была экспресс-доставка для дилеров Восточного побережья и одновременно реклама: «Наши машинки самые прочные в мире». Действительно, из 11 тысяч сброшенных разбилось только несколько штук. Потом они построили завод в Хартфорде, штат Коннектикут.

☛ Есть фотография, где толпа рабочих с напряженными лицами смотрит в объектив камеры. Сзади заводские корпуса, труба с логотипом. Серое, в разводах проявителя, небо. Похожие здания и сегодня мелькают в окне, если ехать из Бостона в Нью-Йорк через Хартфорд. Кстати, раз уж речь зашла о Хартфорде, здесь работал в страховой конторе поэт Уоллес Стивенс. Не исключено, что свой поэтический манифест *Thirteen ways of looking at a blackbird* («Тринадцать способов нарисовать дрозда») он тоже отстукивал на этой машинке.

Всё про *Royal* я узнал на сайте полусумасшедшего собирателя машинок из Айдахо, куда попал в поисках истории. У него имелось несколько моделей моей машинки, а одна даже в деревянном корпусе. На вопрос, сколько на рынке стоит именно моя, он ответил: «\$80–100 в зависимости от состояния». То есть ни-че-го.

Это «ничего» меня очень даже устраивало, поскольку известно: от судьбы лучше получать подарки дешевые, меньше ответственности. К тому же пришла новая лента, которую я заказал в интернет-магазине. Ее доставка стоила вдвое дороже самой ленты. Я усмехнулся и привычным движением заправил лист бумаги в каретку (пальцы всё помнили). Но что именно печатать? О том, что с уходом машинок исчезла сама потребность иметь перед глазами текст на бумаге, я как-то не подумал. И тут вспомнил про Хартфорд и Стивенса. Стихи на ма-

шинке! Вот что могло бы мне пригодиться. Бумажная шпаргалка на выступлениях – особенно когда читаешь стихи новые, которые наизусть не помнишь.

А больше машинка была ни на что не годной.

И я напечатал. Несколько новых стихотворений – как печатал в юности, чтобы потом отнести в редакции. Не найдя звездочек, я вспомнил, что вместо них вбивали трижды Ж или Х, а сверху –. Что печатали с хорошим отступом, чтобы стихотворение разместилось посередине. Не без гордости повторяя про себя, что мы «последнее поколение, успевшее поработать на машинках». Это было забытое наслаждение – ударять по клавишам. Вспоминать, что такое «перевод регистра», «обратный ход», «возврат каретки». Выставлять интервалы и пропуски. Ждать звончка. К тому же напечатать набело одно восьмистишие оказалось не так легко, как я думал, – вышло только с четвертой попытки. Испорченный лист я выдираю из каретки, комкал и бросал на пол. Тоже забытое ощущение. Когда у меня жила кошка – на закате эпохи печатных машинок, – она больше всего любила играть именно с этими скомканными бумажками. Плюс движущаяся каретка, она тоже кошку страшно гипнотизировала. И вот теперь, когда давно исчезли *та* машинка и *та* кошка, я стал похожим на свою кошку. Теперь я тоже не мог оторвать взгляда от каретки. Теперь и меня гипнотизировал стук клавиш, мелькание молоточков. И тоже сами по себе – как кошка.

Чтобы набить на машинке слово, требуется физическое усилие. Возможно, поэтому «набитые» слова обладают – как бы это сказать? – большей силой. И отношение к ним ответственное, ведь из-за одной ошибки насмарку вся работа. А тут слово поэтическое, за которым ты столько в уме охотился. Ощущение удваивается, удесятывается.

☛ Так машинка отвоевала себе место на моем столе. Да и в моем сознании тоже. Глядя на нее, я задавался вопросом: в чем же притягательность машинок? Например, в «обнажении приема», ведь мы видим, как она устроена и работает. В том, что форма есть содержание и наоборот, а это всегда завораживает: представьте гильотину или воздушный шар (первое, что пришло мне в голову). Что нет ничего более униженного для печатной машинки, чем быть предметом интерьера, ведь ее смысл в движении.

Физическое усилие, вложенное в слово (и буквально, и метафорически), каким-то образом перешло на бумагу. И я это чувствовал

И моя кошка знала об этом.

Когда чистовик был готов, я вынул лист, сдерживая дыхание – как гравировщик свое детище. Или как булочник – лепешку. Физическое усилие, вложенное в слово (и буквально, и метафорически), каким-то образом перешло на бумагу. И я это чувствовал. К тому же это было легко проверить: просто положить на одну ладонь лист чистый, а на другую – с набитым текстом. Один будет тяжелее.

Отпечатанное стихотворение лежало на столе. Оно выглядело настолько новым, непривычным и при этом до боли родным, что мне пришло в голову сфотографировать лист. Так произошло еще одно превращение. Снимок я вывесил в сеть,

после чего решил перепечатать остальные стихи. Перетащить в доцифровую эпоху и тоже потихоньку вывесить. Правда, в интернете кто-то сказал мне, что это «извращенная форма конформизма» – печатать стихи на старой машинке, а потом фотографировать на цифровую камеру и вывешивать.

Боюсь, этот человек даже не представлял, насколько был прав. Ведь поэзия и есть род конформизма. То, что связывает вещи, в обычной жизни несовместимые. А поэт, стало быть, конформист. Который добровольно принимает правила, не им придуманные; идет на поводу у вещей, не им созданных; всю жизнь только и делает, что ждет от судьбы машинку с украинским шрифтом из старого шкафа, чтобы напечатать оду, а потом расструбить о ней. Ну, фигурально выражаясь.

Стихи на машинке, Или еще один способ нарисовать дрозда! Как терпеливо ждут нас эти старые вещи из будущего.

ПИСЬМА ИЗ ЗАВОЛОЧЬЯ

От Вологды до Великого Устюга – полтысячи километров, и большую часть пути дорога идет в безлюдной глуши, нет даже вышек связи. Чаща расступается, чтобы пропустить широкую реку, поразительную в своих высоких, как в Сибири, берегах. Снова лес, лес. Через два часа хорошая дорога кончается, скорость падает до велосипедной. Это единственная дорога, которая связывает город с внешним миром.

Устюг и есть такой город-остров – памятник зыбкости культурного и рыночного величия, которые в контексте большой истории никогда не имели решающего значения. Идеальная почва для меланхолии, но она здесь отсутствует – когда до Большой земли так далеко, чувствуешь не уныние, а прилив энергии. Не то что притяжение Москвы – Вологды с Архангельском здесь почти не чувствуется.

Мое путешествие в Устюг началось в Германии, причем самым неожиданным образом. Однажды в Берлине моя добрая приятельница повела меня в музей экспрессионизма. Услышав русскую речь, с нами заговорила средних лет смотрительница. Она была из иммигрантов и первые годы провела в Любеке, где, оказывается, родился и вырос будущий русский святой Прокопий Устюжский. То есть он был немцем, этот святой, и звали его сначала Якобом. Потом она стала говорить о картинах. Ее претензии к немецким художникам были экзистенциального свойства, она считала, что людей в принципе нельзя изображать уродами, «для человека это оскорбительно».

☛ История с музеем имеет продолжение. Пока же в Устюге полночь, здесь тихо и темно, как в деревне. Слышно тьяканье собаки и пахнет дымом. Однако утром под окнами такой шум, словно это Садовое кольцо. Машины снуют с невероятной озабоченностью, и все они едут за реку, где поля засажены чем-то желтым. После обеда дорога пустеет. Видно, работы в городе мало и делают они ее быстро, чтобы заняться – но чем? Ни театров, ни клубов в Устюге нет, ближайший книжный магазин – в Вологде, а единственный кинотеатр – и тот закрывают.

Сухона и Юг, на слиянии которых стоит Устюг, образуют Малую Северную Двину. Ниже в нее впадает Вытегда, Малая становится Большой и катит к Архангельску в море. «Устюг» – от «Юга» (устье Юга), здесь был перекресток главных транспортных потоков допетровской Московии. Вниз по Двине шли в Белое море: Дания, Голландия, Англия. Или волоками в Нов-

город. А вверх по Югу или Сухоне либо в Шексну и на Вологду, либо через Каму в Казань, то есть Волгу, на Восток. Из бассейна в бассейн (из Двинского в Камский, например) корабли тащили волоком, страну «за волоками» называли Заволочьем, а жителей – чуждо заволоцкой. Кто сидел на волоках, на входе в Заволочье, – имел с чуди пушнину. Меха, которые мы видим на портретах османских и персидских султанов, – отсюда. Что ввозили? «Ювелирку», бумагу, пряности, вино. Третий голландского экспорта составлял металл, из которого чеканили московские деньги. Оружие, сукно (в особенности шерстяные ткани). А вывозили лен, сало, мед, пеньку, кожи, меха и черную икру с Каспийского моря. Валютой был талер, ефимок по-нашему, Карл V чеканил его в местечке Иоахимсталь, откуда и пошло русское название (Иоахим – Ефим – ефимок), и это тот самый талер, который потом станет долларом. Торговля шла на восток, волокни перемещались, и сказочно мерцающее Заволочье отодвигалось тоже. Русь и весь, югра и коми, и славяне, бежавшие от монголо-татарского разорения, здесь смешались. На улицах Устюга и сегодня поражает количество светловолосых людей.

☛ К 1917 году в Устюге было около полусотни церквей и храмов. Довольно большая их часть уцелела, что само по себе невероятно (значит, расстояние все же имеет значение). Храмовый центр города называется «соборное дворище», которое язык норовит переименовать в «сборище», поскольку церкви стоят одна к другой, как сдвинутая посуда. Это самый впечатляющий архитектурный ансамбль XVII века, который мне приходилось когда-либо видеть. Любоваться им лучше всего с противоположного берега Сухоны. Тогда этот вид заставляет забыть о себе и времени. Большая редкость, чтобы в рамку одного пейзажа не влезло какое-нибудь советское или современное убожество. А здесь такое ощущение, что попал в фотографию Прокудина-Горского.

Из-под фундамента главного храма города – Прокопия Праведного – на улицу смотрит большой бурый камень, на котором, по легенде, сиживал сам юродивый, хотя любимая его точка обзора была не здесь, а при слиянии Юга и Сухоны, где первоначально находился будущий Устюг, тогда еще Глядень. Но из-за подвижности речного русла его перенесли на нынешнее место. Прокопий, тогда еще Якоб, родился в первой половине XIII века и был сыном немецкого купца. Он пришел

В Любеке родился и вырос будущий русский святой Прокопий Устюжский. То есть он был немцем и сначала его звали Якобом

в Устюг из Новгорода, где в одну из торговых поездок – *out of the blue* – ушел от купцов-товарищей из фактории, роздал отцово богатство, принял православие и заключился в Хутыньском монастыре (куда в основном и пошли его деньги). Житие датирует это событие серединой XIII века. Со слов опять же летописных, Якоба якобы поразила полнота религиозной жизни Новгорода, красота церковной архитектуры, колокольные звоны и все прочее, что невозможно перечислить, ибо недостоверно и недоказуемо. Что было причиной на самом деле? Этого мы никогда не узнаем. Но имя одного человека нужно назвать обязательно – это Франциск Ассизский. Великий нестяжатель и странник, чья проповедь именно в то время проникла ☒

не в одну душу. И вот немец Якоб почти буквально следует примеру безумного итальянца. Тот тоже вел отцово дело в чужих землях, пока не бросил, – а Якоб бросил, когда его отец умер, погиб на войне. Дальше оба судьбу выбирали сами. Франциск отшельничал и странствовал по Италии, а Якоб остался в Новгороде. Но в монастырь не заключился (как уговаривали старцы), а пошел «буйствовать» (юродствовать то есть). Молитве и уединению предпочел активную проповедь – что было опять же в точности по Франциску Ассизскому. Правда, в Новгороде осесть Прокопию не удалось, Христа ради юродивых там и без него хватало. Его, новичка, гнали, и, помыкавшись, он ушел искать другую аудиторию. Отправился в свободное плавание.

✦ Устюжское барокко невозможно ни с чем спутать, пятиглавые храмы возносят купола, как паруса на мачтах. Они плывут над лесом. Картуши на фасадах часто сравнивают с рулонами морской карты, а сами храмы – с двухпалубниками, хотя какие парусники у русских купцов в XVII веке? В этой архитектуре больше стремления за горизонт, за мечтой о богатстве и славе, о новой хорошей жизни. До выхода Петра на Балтику Устюг слыл богатейшим городом Севера, и движителями его прогресса были купцы. Просвещенные в странствиях, они изукрашивали храмы «по виденному» в Москве и Европе, тем более что строгих правил тогда не было, а только рамки традиции (пятиглавье, крестово-купольная, шатровая). И чтобы перещеголять соседа, разумеется. Скажу кстати, что подобный всплеск новой архитектуры в России случился только в эпоху модерна, и снова локомотивом выступило европейски просвещенное, путешествующее купечество. Морозовы, Рябушинские. Модерн в Москве – это их заказы, их вкусы.

Самым ярким (хотя, может, и не самым крупным) храмом Устюга я бы назвал Вознесенский. Соорудил эту церковь купец Никифор Ревякин в воспоминание о московском храме Рождества Богородицы в Путинках, только у Ревякина вышло выше и погуще с узорочьем. Этот купец входил в Гостиную сотню (тогдашний список Форбса) и часто бывал в Москве. В одном из приделов церкви сохранился допетровский иконостас «на тяблах» – это когда тянули от стены к стене балки, а между ними, как на полках, расставляли иконы.

✦ Почему Прокопий выбрал Устюг, а не Архангельск или Тотьму? Неизвестно. Может, город на большой реке напоминал ему родной Любек, а может, здесь его наконец перестали гнать. Ходил он, как и Франциск Ассизский, в одном платье, хотя что хорошо в Италии, трудно представить на Русском Севере – житие изобилует рассказами о чудесной «морозостойкости» юродивого (которая, впрочем, совершенно не трогала скупые сердца северян). А три кочерги, которые он всегда таскал с собой, – то ли три реки символизировали, то ли Святую Троицу, неизвестно. Предание сообщает только, что кочергами этими он любил постукивать под окнами живших семейно, хотя чаще сидел над рекой в одиночестве, встречал и провожал барки. Или бродил по городу, призывая жителей к покаянию. Но никто его не слушал, никто не воспринимал всерьез. Да и говорил он – на каком языке? А гнали в основном из-за запаха, от которого «даже собаки шли от него». Он и был как собака. Понять, чего лает, невозможно, а прибить – жалко. И только задним числом понимаешь, чего эта собака надрылась.

✦ Антикварным лавкам русской провинции я мог бы сложить оду. Кашин, Егорьевск, Галич, Нерехта, Волочек, Углич, Касимов, Кострома... Все разные и всё в них зависит от того, кто торгует. Есть закутки размером с тамбур, где каждый пред-

мет с любовью подобран и сам просится в руки. А бывает – целый магазин, а смотреть не на что. В Устюге тоже есть антикварный, и ничего, кроме монет (судя по витринам), здешних жителей не интересует. Икон мало, сундуков, самоваров, бутылей мало, да всего мало; голые стены в советских вымпелах. Однако именно здесь я нашел то, что нигде раньше не попадалось. Ерунда, мелочь – заглушки для воздуховода. Здесь они подпирали дверь, сразу не заметишь. Известно, что в антикварных нужно торговаться, но устюжский продавец сказал «нет» так спокойно, даже равнодушно, что я не удержался и спросил: «Почему?» – «Это вещь редкая», – ответил он.

«В один день блаженный стал усердно ходить по городу и призывать людей к покаянию. Ибо настало последнее время и грядет суд Божий, говорил он на площадях и рынках, и потемнеет небо, и обрушится на головы нечестивых град ка-

Ходил Прокопий, как и Франциск Ассизский, в одном платье, хотя что хорошо в Италии, трудно представить на Русском Севере

меньев огненных. Люди же смеялись над ним. Он тогда удалился в храм Успения Богородицы и молился там. На третий день молитвы случилось по сказанному: потемнело небо, из черной тучи стали падать огненные камни и пожгли лес и низы, и деревню. Из людей же никто не пострадал».

Есть точная дата этого метеоритного дождя – 25 июня 1290 года. Место, где он просыпался и где сгорела деревня, с того дня и до самого последнего времени было местом паломничества, стояла даже часовенка. На главной иконе, которая хранится в ревякинской церкви Вознесения, Прокопий изображен под черной тучей, из которой языками вылетают огненные звезды. А вторым его чудом было пророчество о судьбе Стефана Пермского. Вот, повторяю, и все, что известно. Но. Важно ведь, не как или что было (или было придумано), а то, как это «было/не было» реализует себя во времени. Потенциал истории. В 20-х годах XX века Любек стал одним из центров русской жизни в эмиграции. При кирхе Святой Екатерины образовался православный приход, церковь стала, само собой, Прокопьевской, она и сейчас действует. А в самой кирхе (по легенде) когда-то крестили Якоба. Одна из древних икон с изображением юродивого, вывезенная в революцию, находится здесь. Можно сказать, Прокопий вернулся в родной город, такая вот неожиданная рокировка. Хотя почему неожиданная? Эмигранты; без дома; шли из города в город; начинали жизнь с чистого листа. Это история и вообще не о чудесах или пророчествах, она о смене участи. Бог, история, фатум – можно ли человеку без вмешательства извне переменить в себе всерьез хоть что-то? Легче реки повернуть вспять, чем стать другим хотя бы на миллиметр (человек от сигареты-то отказаться не может). Бросить все и уйти от мира, уйти в мир? Как и чем накапливается подобное решение? Именно поэтому каждый раз мы с таким вниманием всматриваемся в судьбу людей, которым эта перемена, этот побег – удался. Франциск Ассизский, Прокопий Устюжский, святые и подвижники. Да что ходить далеко – Лев Толстой. Чудо ведь не в том, что человек все бросил. А в том, что произошло в его душе, когда он сделал выбор. Возможен ли вообще для человека нашего времени свой путь? Возможны ли сегодня юродивые, я хочу сказать? ▲